

Роман Днепровский

Судьба бесприданника

Роман Днепровский
Судьба бесприданщика

«Издательские решения»

Днепровский Р. В.

Судьба бесприданщика / Р. В. Днепровский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933629-3

Новый сборник рассказов Днепровского «СУДЬБА БЕСПРИДАНЩИКА» есть не что иное, как попытка «творческого переосмысления» классического наследия мировой литературы, это панк и троллинг в химически-чистом виде. Любители чёрного юмора и жестких пародий не уйдут разочарованными, а приверженцев олдскульной литературы книга заставит взглянуть на классические литературные сюжеты с совершенно неожиданного ракурса. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-933629-3

© Днепровский Р. В.
© Издательские решения

Содержание

Судьба Бесприданника	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Судьба бесприданника

Роман Владимирович Днепровский

© Роман Владимирович Днепровский, 2018

ISBN 978-5-4493-3629-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Судьба Бесприданника

Светлой памяти великого русского драматурга А. Н. Островского, сочинившего очень хорошие пьесы про грозу, бесприданницу, Катерину, чайку, про луч света в тёмном царстве, и про тёпеньку, которая хотела быть птицей – посвящается.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Изучая произведения классиков отечественной литературы, невольно ловишь себя на мысли, что будь герои произведений хотя бы немного умнее, всё могло бы кончиться иначе... И возникает резонный вопрос – где литератор нашёл таких клинических идиотов, которым даже сочувствовать не хочется?... Задавшись этим вопросом, Автор настоящего исследования взял на себя смелость усомниться в достоверности произведения драматурга Островского. Результатом этого стала кропотливая исследовательская работа в ряде губернских архивов Среднего Поволжья, а также многочисленные встречи и беседы с ветеранами Отдельного корпуса жандармов Российской Империи и бывшими сотрудниками III Отделения Собственной Её ИМПЕРАТОРСКОГО Величества Канцелярии. Не смотря на то, что некоторые документы до сих пор остаются закрытыми и не доступными исследователям по соображениям государственной безопасности, даже те материалы, которые оказались в нашем распоряжении, во всей полноте разворачивают перед нами картину, в корне отличающуюся от той, которую представил наивным и доверчивым читателям г-н Островский. Об этом же говорят и свидетели тех далёких дней, сохранившие до наших дней ясность ума и трезвость суждений. Многие из участников операции «Бесприданник», готовившие её, осуществлявшие оперативное прикрытие, работавшие с агентурой и источниками, до сих пор с болью и обидой говорят об «историзме» пресловутого «произведения» г-на Островского. Как и большинство средней руки литераторов так называемого «либерального» направления, Александр Островский пользовался в своей работе непроверенными сведениями, а зачастую – банальными сплетнями и выдумками. Результатом этого стало широко разрекламированное «либеральными» СМИ произведение сомнительного содержания, в котором об огромной роли отечественных спецслужб в деле обеспечения национальной безопасности в сложный для страны исторический период не было сказано ни слова, а один из опытейших агентов российского внутреннего сыска и контрразведки, «человек-легенда невидимого фронта» Николас Карандышев был выставлен в нелепом и карикатурном виде. Такой подход к материалу, к отечественной истории всегда был свойственен нашим либералам, взросшим в эпоху пресловутой «перестройки», провозглашённой Императором Александром II, и Александр Островский – не исключение из этого ряда. Однако сегодня настала, наконец, пора сказать всю правду о событиях полутора вековой давности, тем более, что ещё живы люди, которым выпала судьба быть не только свидетелями, но и непосредственными участниками блестяще подготовленной и проведённой операции «Бесприданник». Автор выражает глубокую и искреннюю признательность членам Союза Ветеранов Уголовного и Политического Сыска Российской Империи во главе с Председателем Союза, Её Высочайшепревосходительством Генералом от жандармерии Александром Христофоровичем БЕНКЕНДОРФОМ за неоценимую помощь в работе по установлению исторической истины, и желает всем крепкого здоровья и долгих лет жизни.

Предлагаемая читателю повесть написана на основании РЕАЛЬНЫХ событий и документов. Все имена действующих лиц – подлинные.

– А ты, братец, гомыру-то по бутылкам разлей, – говорил в тот вечер Карандышев кабатчику, – да не вздумай, упаси тебя Бог наклеивать на бутылки этикетки от «Мадеры», или от «Шустова» какого-нибудь. Наклей этикетки со словом «Гомыра волжская» – вон, пусть твоя младшенькая от руки их чернилами напишет. Что, не веришь, что наши тузы от купечества эту гадость пить будут? Будут, братец мой, будут хлебать, как миленькие! И даже сам Сергей Сергеевич будет пить, да нахваливать, это я тебе говорю, чиновник 13-го класса Никколаус Карандышефф!...

...Разукрашенный по случаю торжества, новый четырёхколёсный пароход «Ласточка» – краса и гордость волжской торговой флотилии, призывно покачивался на волнах перед бряхимовской пристанью, ожидая гостей. Герой дня, Николай Капитонович Карандышев расположился на верхней палубе в уютной тоннетовской качалке; бывшие в борт волны наводили мысли о тошноте и дальних путешествиях, но припасённый заранее мерзавчик «монополки» и дюжина гаванских «Боливаров» пока спасали положение. Время от времени Николай Капитонович нервно отрезал кончик очередной сигары острым краем позаимствованной по случаю свадьбы у приятеля, чиновника по особым поручениям Эраста Фандорина, шпаги, и бросал отрезанный кусочек за борт, на корм волжским осетрам, нервно при этом бормоча под нос: «Не доставайся же никому!»

Со стороны Соборной площади донёсся грохот копыт и постукивание о булыжи колёс пролётки. «А вот и первый гость к нам спешит, – подумал Карандышев, – блин, пароход пыхтел, колёсы тёрлись, вот мы не ждали вас, а вы припёрлись!»... Тем временем, роскошное ландо, запряженное парой гнедых владимирских рысаков, выскочило с Вознесенского проспекта на набережную. Придерживая двумя руками белоснежный цилиндр, седок что-то прокричал вознице, и, пошатываясь, судорожно глотая воздух, буквально вывалился на пристань – от неизбежного падения его спасла только тяжёлая дубовая трость с серебряным набалдашником, на которую он опёрся всей тяжестью могучного тела.

«А вот и товарищ Паратов, – подумал Николай Карандышев, лениво сплёвывая за борт очередной сигарный черешок. – Лихо же он от собора своего ваньку гнал, аж лицом зелен весь... Постойте, судари милосердные, кого ж он мне личностью-то своей зелёной напоминает? Дай Бог памяти... Ага, вспомнил! Того самого лицедея, который прошлой осенью был у нас в городе в труппе бродячего цирка! И которого ещё Его превосходительство Генерал-губернатор приказал выпороть на рыночной площади, за то, что, мерзавец, позволил себе изображать Государя Императора! Никиткой того негодника звали, Никиткой, – а вот по фамилии как – забыл!»

Карандышев едва заметным движением запустил руку в жилетный карман, любовно погладил большим пальцем корешки паратовских долговых обязательств, и, поправив на воротничке муаровую владимирскую ленту, впервые за этот сумасшедший день почувствовал себя спокойно и непринуждённо. Пальцы ног совершили в недрах узких лакированных туфель какое-то еле заметное движение, кадык дёрнулся из под тугой орденской ленты, и, наконец, оказался на свободе; Карандышеву вдруг стало хорошо, так хорошо, как не было уже давно. «Это просто замечательно, что Лариса спустилась в каюту гримировать синяки – подумал он, – незачем ей видеть нашего Сергей-Сергеича таким зелёным и облезлым. Да и гостям

совершенно не стоит знать о наших маленьких забавах в постели – не доросло ещё наше волжское купечество до эстетики Леопольда Захер-Махера и маркиза де Сада... О, Русь! О Russ!...

...Тем временем с трапа, ведущего с пристани на борт «Ласточки», донесли сочные ругательства, слышав которые, паратовский извозчик зарделся и стал что-то внимательно высматривать в заволжских далях. «Ага, кажется наша буржуазия уже подскользнулась на тухлых перепелиных яйцах! Молодец, Прошка!» – подумал Карандышев, гостеприимно наливая первому гостю полный стакан пресловутой «Волжской гомыры» и пододвигая блюдо чёрной каспийской икры, обильно политой тем же неизвестным злодеем Прошкой просроченным касторовым маслом.

– А-а-а!!! К нам приехал наш любимый!... – заорал Карандышев, едва паратовская морда в белом цилиндре появилась из за борта, – Сер-Сер-Сер-Геевич да-арагой! – грянули разместившиеся на нижней палубе цыгане, отрываясь от увлекательной процедуры выпаривания опия из астраханских арбузов, – Ну, давай, Серё-ожа,/ Плюнь-ка всем нам в ро-о-жу!/ Плюнь нам в рожи, плюнь нам в рожи,/ Ежели жизнь да-а-арага!

Ещё не окончательно пришедший в себя после скоростной гонки по Вознесенскому проспекту, ошеломлённый карандышевским гостеприимством, неверною ногою ступил Сергей Сергеевич Паратов на палубу своей – ещё вчера своей – «Ласточки»; бессонная ночь давала себя знать... Перед глазами Сергея Сергеевича плясал хоровод обнажённых девиц, каждая из которых была, как две капли воды, похожа на Ларису Дмитриевну; девки размахивали долговатыми расписками, что-то пели – это Паратов точно знал, – на коми-пермяцком языке... Трясущуюся, плохо слушающуюся рукою Сергей Сергеевич схватил гранёный стакан, любезно придвинутый Карандышевым, судорожно опрокинул в рот его содержимое, и...

...Лохматый шмель – на душистый хмель, цапля серая – прямо в рай... Ныне, Господи, отпускаеши душу раба Твоего Сергея, первой гильдии купца Паратова... Не доставайся ж никому!...

– Что это было? – задыхаясь от ожога, ловя воздух обожжённым горлом, и снова задыхаясь, выдал из себя Паратов.

– «Волжская гомыра», крепость 40 градусов, специально у петербургского учёного господина Менделеева рецепт выписал! Что, забористая? – ослабившись, спросил Карандышев, – Вот, думаю монополию организовать, благо, денежки есть, а если что – Кнурова найму, пусть по трактирам ходит, рекламирует! А, кстати, вот и он!

В этот момент с пристани донёсся истошный визг – то взвизгнули полозья кнуровских саней; упрямый старообрядец ездил на них круглый год, почитая (и не без оснований!) колёсный транспорт «антихристовым средством передвижения».

– Ну что, мироед-угнетатель, шевели булками, как говаривал старина Парацельс, подымайся быстрее! – зло и задорно окликнул Карандышев старика, – сегодня новопожалованное дворянство российское гулять изволит! И тебе нальют, если чавкой хлопать не будешь!

– Эт-то, я извиняюсь, многосмердящая жаба болотная чтой – то проквкать изволила, или это ты, Коленька, в остроумности красноречия испражняешься? Н-ну да я тебя прошу, засвидетельствуй токмо нелицемерно, что это лишь шутка юмора была – последние слова купчина уже произносил, прогибая короткими ногами обшивку палубы, жалобно скрипевшую под неполным десятком пудов его веса, – да налей мне беленькой, из уважения к сединам старческим, да нашим обычаям...

– Гляди, Серый, и охреневай, как старообрядец традиции свои сейчас нарушать будет – хитро подмигнул Карандышев ещё не окончательно пришедшему в себя Паратову, и, до краёв наливая стакан уже известным читателю термоядерным пойлом, обратился к новоприбывшему гостю:

– А то правду говорят, что в Нипонии мужики своих баб ублажают, подставляя пузо Восходящему Солнцу, и читая наизусть сто восемь хвалебных хокку своему Микадо? – лицо

Карандышева выражало при этом совершенно искреннюю заинтересованность, – или гнусно солгал дружище мой, статский советник Эраст Петрович Фандорин?

– Да ты, никак, совсем на радостях счастья ополоумел! – взревел Кнуров, поднося к спрятавшимся в густой бороде губам стакан с карандышевской отравой, – да ведаешь ли ты в разумении своём, что токмо свистнуть мне, и узнаешь ты суть смысла, в постижении многолютых испытаний, чмо позорное?! Ибо длинный язык ведёт к мучительной пагубе от рук содомитов зело свирепых, так что фильтруй базар фильтром аглицким, вражина! – на последних словах содержимое стакана полетело в кнуровскую глотку, а сам стакан исполнил сольный реквием, разлетаясь на палубе «Ласточки» на мириады маленьких стеклянных слезинок.

– Александр Македонский, безусловно, великий полководец, но зачем же стулья ломать? ... – угрюмо пробормотал Карандышев, вспоминая кого-то из античных авторов, и тут же, меняя тон, обратился к старику Кнурову, тщетно ловившему ртом воздух и утиравшему неожиданно навернувшиеся слёзы:

– Ты не сердись, старина, закуси лучше. Просто у нас тут с Сержиком спор вышел: ежели, предположим, решил бы ты мне рогов наставить с супругой моей, Ларисой Дмитриевной, то в какой позе стал бы ты акробатикой заниматься? Ведь если такого жирного борова на женщину сверху положить, то, ведь, чего доброго, раздавит, верно ведь, Сергеевич?

Ещё не отошедший от всех треволнений последнего получаса, Паратов, с трудом заставивший своё нутро успокоиться и перестать отдавать волжским карасям сегодняшней завтрак, вцепился до хруста суставов обеими руками в набалдашник трости, и зажмурив глаза, выдавил из себя: – Всенепременно раздавит...

– Ах, и ты уже здесь! – маленькие глаза Кнурова метали молнии в сторону извечного своего конкурента, и в этот раз поспевшего на место раньше Мокия Парменыча – вновь ты снова становишься на пути моей дороги, онаний молокососный! Да я тебе... – неизвестно, какие бы ещё проклятия обрушил бы на и без того больную паратовскую голову совершенно взбеленившийся старообрядец, в чей желудок уже предательски проникла щедро одобренная касторовым маслом икра, но в этот момент к пристани, одна за другой подкатили ещё несколько колясок.

...Грაციозно покинув экипаж, на пристань ступил Предводитель уездного дворянства князь Мэлор Револьтович Лесбийский, и неторопливо засеменил в сторону сходней. Покинув свою роскошную колымагу, двинулся к пристани грузный настоятель Вознесенского собора отец Нахрапий, не далее, как сегодня утром обвенчавший молодых; ему в кильватер пристроился протоиерей Смородион – недоучившийся семинарист, про которого в городе болтали всякие гадости: что, мол, раньше был он не то католиком, не то вовсе нигилистом, что из семинарии выгнан был за курение табака, что тайно сожительствоет он с унтер-уфицерской вдовой Миленой Булкиной и ещё много чего – но, конечно, всё это было гнусной клеветой...

Прибыла и сама Милена Марленовна Булкина – наипервейшая в Бряхимове портниха, гадалка, повивальная бабка, сваха, сводня, процентщица, плакальщица, травница и сплетница. Её маленькие пороссячи глазки светились азартом в ожидании скандала: уж кто-кто, а Милена Акакиевна была в курсе карандышевских приготовлений к свадьбе – приглашая её, Николай Капитонович делал недвусмысленные намёки на то, что «будет интересно»...

На наёмном извозчике подкатил репортёр светской хроники из газеты «Бряхимовские ведомости и мировые репортажи» Берендей Абрамович Халдеев – писака дотошный и въедливый. При расплате с лихачом вышел у него конфуз: ванька настаивал, чтобы седок заплатил ему по двойному тарифу, мотивируя свои требования невыносимым запахом, исходившим от Берендея.

– Так ведь не сам же я себя этими помоями окатил! Отец Нахрапий! – кинулся Халдеев с жалобами к священнику, – когда же, наконец, приструните Вы своего юродивого? Опять он мне весь костюм испакостил!

– По мощам и елей! – не оборачиваясь, ответил на стенания уездного борзописца батюшка, – впредь будешь знать, как о Святой Церкви писать всякие непотребства!

К чести Берендея Халдеева следует сказать, что гадостей о Святой Церкви он в жизни своей не писал, просто у настоятеля Вознесенского собора было стойкое предубеждение против прессы и журналистов. Видимо, этим и объясняется тот факт, что живший при нашем кафедральном соборе юродивый не упускал случая «благословить» Берендея Абрамовича всякий раз, когда тот оказывался поблизости

Юродивый этот был в Бряхимове личностью знаменитой: бывший мелкий лавочник, впавший в буйное помешательство, Порфирий Иванович Корнеев, круглый год ходил он в одних подштанниках и проповедовал некое экзотическое учение, суть которого сводилась к необходимости обливаться каждый день ушатом помоев... Среди некоторой части бряхимовских обывателей укрепилось мнение, что Порфирий Корнеев – святой угодник, а обливание им из ушата помоями прохожих является своеобразным благословением...

Неспешно вновь прибывшие поднялись по трапу на борт «Ласточки», где Мокий Парменович уже собирался было плюнуть в Паратова, а коварно улыбающийся Карандышев разливал свою гадость по бокалам, дабы потравить очередную партию гостей. Однако не успела честная компания и поприветствовать уже находившихся на палубе, как полуденное летнее море разорвал надвое резкий сухой щелчок.

– О-о, mon cheer Nikola, твоя kleine Loris уже соскучилась! – неожиданно появившаяся на палубе Лариса Дмитриевна кокетливо поигрывала в руках здоровенной казачьей плёткой; её осиную талию туго обхватывал проклёпанный кожаный корсет, облегающие ботфорты и прямо скажем, хулигански короткая юбка позволяли всей честной кампании любоваться видом её маленьких стройных ножек; на аккуратной фарфоровой головке чернела сплетённая из тонких ремешков фата; -Ah, Nikola, я уже так хочу наказать этот толстый moujik de Russ, он меня так заводит! – с этими словами Лариса Дмитриевна игриво ткнула Кнурова своей плёткой в самый низ его толстого купеческого живота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.